

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 5. С. 108—143 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 1)

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

11-е Іюня. Воскресенье. На Аѳонѣ.

Встали рано, чтобы увидеть Дарданеллы. Къ нимъ пароходъ пришелъ часовъ въ пять утра и дожидался до шести, когда турецкая стража привезла съ берега пропускъ на проѣздъ чрезъ проливъ. Если бы пароходъ пошелъ Дарданелами, не дожидаясь пропуска, въ него съ берега стали бы стрѣлять. Дарданеллы—это замокъ, которымъ крѣпко заперты владѣнія султана въ Константинополѣ. За попытку насильно отпереть этотъ замокъ, всякое судно поплатится гибелью, такъ какъ проливъ очень узокъ, и съ того и другого берега изъ крѣпостей выглядываютъ дула пушекъ. Въ мѣстѣ стоянки парохода предъ Дарданелами, и тотъ и другой берегъ застроены; на нихъ амфитеатромъ красиво раскинулось—на европейскомъ берегу—Галиполи, на азиатскомъ—Лампсаки. Но далѣе, берега Дарданель, до самаго выхода въ Архипелагъ, пустыни и дики: они не заселены. Только по временамъ одиноко выглядываютъ грозныя укрѣпленія, расположенныя другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ. Азіатскій берегъ вообще плодороднѣе: онъ покрытъ весь яркою зеленью, здѣсь часто попадаются лѣса, иногда виднѣются и деревеньки по склонамъ горы. Европейскій берегъ—пустынный, скалистый и

1) Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ. Апрельъ стр. 655—715.

неуютный. Наконецъ проливъ кончается, и мы подошли къ выходу въ Архипелагъ. Пролитъ въ концѣ не шире небольшой рѣки, хотя и глубока. На отлогомъ азіатскомъ берегу раскинулось, или вѣрнѣе, скучилось селеніе Ханакъ—Калесси, извѣстное подъ именемъ Дарданель. Изъ-за плоскихъ крышъ домовъ выглядываетъ старинная крѣпость, на которую съ противоположнаго берега смотритъ другая.

Около 6 часовъ турецкая полиція привезла съ берега разрѣшеніе и пароходъ вышелъ изъ Дарданель въ Архипелагъ. Не смотря на ранній часъ, на пароходѣ сильное оживленіе. Матросы моютъ палубу, съ большимъ шумомъ, но очень нехитрымъ способомъ. Они наливаютъ на нее на полвершка воды изъ помпъ и гоняютъ изъ угла въ уголъ громадными тряпичными щетками до тѣхъ поръ, пока вода не высохнетъ подъ горячими лучами солнца. Классные пассажиры поднялись рано, чтобы увидать Дарданельскій проливъ; палубные же всегда встаютъ рано. Среди послѣднихъ есть нѣсколько русскихъ крестьянъ, отправляющихся въ Палестину, преимущественно крестьянокъ. Они разбрелись по угламъ палубы и тамъ долго видны ихъ сосредоточенныя фигуры съ устремленными въ пространство глазами; по временамъ они крестятся и кладутъ земные поклоны, не обращая никакого вниманія на окружающій шумъ и толкотню,—это они совершаютъ утреннюю молитву.

Часовъ въ 8-мъ утра, о. Анастасій по случаю праздника отслужилъ на верхней палубѣ парохода предъ Касперовскою иконою Божіей Матери молебень, на который снова собрались всѣ пассажиры. Мы пѣли. Богомольцы, отправляющіеся въ Палестину, намъ подпѣвали, и такъ умѣло, что получался стройный хоръ, пѣніе котораго далеко-далеко разносилось по морскимъ волнамъ. Солнце поднялось и позолотило свѣтло-голубыя, прозрачныя воды Архипелага. Но тучки небесныя, вѣчные „странники“, набѣгомъ своимъ иногда закрываютъ солнце, и тогда на море ложатся темныя тѣни, омрачающія золотистый блескъ его. Послѣдній такъ ярокъ и сочетаніе его съ синимъ цвѣтомъ неба и голубымъ отливомъ моря такъ причудливо, что нарисуй подобную картину художникъ, его справедливо назовутъ декадентомъ—импрессионистомъ, а въ дѣйствительности, въ природѣ, это оригинальное сочетаніе цвѣтовъ не только не кажется стран-

нымъ, а наоборотъ—очень привлекательнымъ и красивымъ. Пассажиры тѣснились всѣ на палубѣ; да и трудно было уйти внизъ. Кругомъ виднѣлись живописные острова Архипелага, то скалистые, то покрытые обильною растительностью, но всегда обращающіе на себя вниманіе причудливою красотою своихъ очертаній. Они поднимаются надъ бездною, или одною остроконечною горою, или цѣлымъ рядомъ горъ, перерѣзанныхъ темными пропастями. Иногда только средняя вершина гористаго острова высоко поднимаетъ голову, а около нея тѣснятся другія меньшія горы, образуя живописную группу. На другомъ островѣ отлогія горы идутъ уступами, давая пріютъ у своихъ подножій селеньямъ и городамъ, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ.

По выходѣ изъ Дарданелъ, пароходъ идетъ до самого Аэона, нигдѣ не останавливаясь. Въ самомъ началѣ Архипелага онъ круто поворачиваетъ направо, прямо къ Салоникскому полуострову, на одномъ изъ трехъ выступовъ котораго возвышается св. г. Аэонъ, давшая имя и всему отрогу, отдѣленному отъ Македоніи узкимъ (бывшимъ) каналомъ Ксеркса. Туда и обращены теперь взоры всѣхъ пассажировъ. По росписанію пароходъ приходитъ къ Аэону около четырехъ часовъ вечера, или 8-ми по турецки, а монахи и нѣкоторые изъ бывалыхъ людей, собравшіеся на носу, увѣряютъ, что св. гора показывается за шесть часовъ до прихода къ ней парохода, слѣдовательно—должна показаться скоро. Но пароходъ плавно идетъ по зеркальной поверхности моря, по сторонамъ его тянутся гористые острова Архипелага, а впереди — небо да море: ничего больше не видно. Наконецъ, часовъ около 11-ти, вдали началъ обрисовываться неясный силуэтъ горы, окутанной сѣрватою дымкой. Это, говорятъ, Аэонъ. Гора кажется издали небольшою и очертанія ея скрадываются. Но по мѣрѣ того, какъ пароходъ шелъ впередъ и закрывающій ее туманъ разсѣвался, она росла и ея очертанія становились яснѣе. Была видна отвѣсно спускающаяся въ море громадная гора, уходящая въ синюю высь своею остроконечною вершиною, по сторонамъ ея обрисовывались вершины двухъ другихъ наполовину меньшихъ горъ. Тѣхавшіе съ нами Аэонскіе монахи охотно разговаривали о св. горѣ.

— Вы видите, говорилъ одинъ изъ нихъ, облако, окутывающее вершину св. горы. Какой бы ясный день ни былъ,

надъ вершиною всегда облако: это—вѣнокъ надъ головой святой горы.

Между тѣмъ пароходъ уже подходилъ къ Аѳонской горѣ съ юго-восточной стороны. Въ бинокль можно разглядѣть монастыри. Вооружась путеводителями и при помощи монаховъ, мы стараемся опредѣлить видимые нами монастыри. Вотъ Лавра св. Аѳанасія, Молдавскій Богоявленскій скитъ, Кавсокаливскій скитъ. Далѣе, пароходъ огнибааетъ мысъ св. Георгія и входитъ въ заливъ св. горы (Монте-Санто). Здѣсь поражаетъ зрителей Каруля, пріютившаяся, подобно птичьему гнѣзду, на голой скалѣ, повисшей надъ бездною. Страшно глядѣть на нее: такъ и кажется, что она сейчасъ оборвется. По словамъ нашего путеводителя, это мѣсто считается безмолвнѣйшимъ изъ всѣхъ здѣшнихъ пустынь. И это вполне понятно: высота моря до отшельническихъ келлій 150 саж. Чтобы подняться туда, надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпляться за камни руками и даже висѣть всѣмъ тѣломъ надъ бездною, а въ иныхъ мѣстахъ —спускаться и подниматься на веревкѣ. У иноковъ тамъ есть церковь, и никуда они не выходятъ. Пищу имъ проѣзжающіе кладутъ въ корзину, которую они спускаютъ на веревкѣ къ берегу моря. Вотъ среди громаднхъ нависшихъ утесовъ, недалеко отъ крутого морскаго берега, одинъ изъ древнѣйшихъ Аѳонскихъ скитовъ—скитъ св. Анны, въ настоящее время одинъ изъ наиболѣе подвижническихъ. Далѣе виднѣются живописно расположенные по горѣ монастыри: св. Павла, Діонисіагъ, Григоріагъ, Симона-Петра. Послѣдній монастырь, необыкновенно причудливой архитектуры, пріютился надъ одной изъ высокихъ скалъ, висящей надъ моремъ. Про него Барскій совершенно справедливо говоритъ: „Онѣй монастырь зѣло удивительный и строеніемъ и мѣстомъ,—яко не вѣмъ, како тебѣ, благій читатель, изобразити“. Между этими монастырями монахи указываютъ безчисленное множество келлій и каливъ, пріютившихся въ ущельяхъ горъ или на скалахъ, называя имена подвижниковъ спасавшихся, а иногда и теперь, живущихъ тамъ.

Пройдя Симоно-Петрскій монастырь, пароходъ скоро останавливается, довольно далеко отъ берега, противъ Аѳонской пристани Дафны, около которой на морскомъ берегу находится нѣсколько построекъ. Въ нихъ помѣщается агентство русскаго

Общества пароходства и торговли, русская почта, церковь, турецкая таможня, карантинъ, турецкая почта, гостинница. Здѣсь живутъ и завѣдующіе почтой, таможней, агенты. Названіе свое пристань сохранила отъ языческаго времени, когда здѣсь существовалъ храмъ богини Дафны. Пароходъ не подходитъ къ берегу, такъ какъ пристань только съ одной стороны защищена отъ вѣтра выступомъ горы и мало надежна, а берега горы скалисты и небезопасны для пароходовъ. Это обстоятельство сильно мѣшаетъ развитію регулярнаго сообщенія съ Аеономъ, особенно въ бурное время зимою и осенью. Лишь только пароходъ остановился противъ Дафны, съ берега тотчасъ-же подали лодки для желающихъ отправиться въ Андреевскій или Ильинскій скиты: а изъ Пантелеймоновскаго монастыря прислали паровой катеръ, на который мы и пересѣли. На катерѣ для встрѣчи Преосвященнаго пріѣхали—о. Пансій и о. Юрамъ изъ Пантелеймоновскаго монастыря. На пароходѣ—большое оживленіе. Пассажиры крестятся, благодаря Бога за то, что Онъ помогъ достигнуть благополучно св. горы и увидѣть „жребій Божіей Матери“. Женщины, которымъ входъ на гору безусловно воспрещенъ монашескимъ уставомъ, санкціонированнымъ государственною властью, тѣснятся къ борту парохода, желая хоть издали взглянуть на св. гору—это училище благочестія и разсадникъ монашеской жизни.

Всѣ мы и пересѣли съ парохода на катеръ, который, легко разсѣкая воду, быстро неся впередъ и черезъ $\frac{3}{4}$ часа мы были уже противъ Пантелеймоновскаго монастыря, живописно раскинувшагося у самаго берега моря по склону горы. Встрѣча Преосвященнаго братіями обители была необычайно торжественна. Весь монастырскій берегъ, монастырскій дворъ, всѣ верхнія галереи монашескихъ корпусовъ были усеяны тысячами богомольцевъ и иноковъ. Картина была чудная и единственная въ своемъ родѣ! Весь монастырь, террасами спускающійся къ морю, былъ виденъ какъ на ладони, съ тысячами движущихся клубуковъ. Всѣ они вышли въ срѣтеніе „своему“ русскому Преосвященному. Еще катеръ не успѣлъ остановиться около берега, какъ съ колокольни Пантелеймоновскаго монастыря раздался красный звонъ. Едва лишь Преосвященный вступилъ на берегъ, намѣстникъ монастыря о. Нифонтъ пріивѣтствовалъ Владыку краткою рѣчью. Въ этой

рѣчи онъ поздравлялъ Владыку съ благополучнымъ прибытіемъ на св. гору и говорилъ, что для русской обители, находящейся подъ турецкимъ владычествомъ, великое торжество и большое счастье видѣть въ своихъ стѣнахъ Владыку, пришедшаго изъ далекой родины, тѣмъ болѣе, что это торжество очень рѣдкое на Аѳонѣ, такъ какъ монастырь видить въ своихъ стѣнахъ только третьяго русскаго Архіерея. Затѣмъ, при громогласномъ пѣніи тропаря великомученику Пантелеймону, при непрерывномъ колокольномъ звонѣ, Пресвященный, сопровождаемый нами и братією монастыря, по дорогѣ, обильно усыпанной лавровымъ листомъ, мимо красивыхъ цвѣтущихъ олеандровъ, направился къ монастырю въ главный соборный храмъ во имя св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона. На соборной паперти иноки во главѣ съ настоятелемъ монастыря о. Андреемъ встрѣтили Владыку въ священномъ облаченіи, со свѣчами, иконами и хоругвями. Облачившись въ мантию, съ жезломъ въ рукахъ, Пресвященный вошелъ въ храмъ при пѣніи „Достойно“. Приложившись къ иконамъ, Пресвященный взошелъ на кафедру, устрояемую для епископа на Востокъ обыкновенно въ средней части храма, противъ намѣстной иконы Спасителя. Послѣ обычной краткой литіи съ произнесеніемъ многолѣтій Пресвященному и спутникамъ его, Владыка провозгласилъ многолѣтіе настоятелю монастыря о. архимандриту Андрею съ братією обители, а затѣмъ обратился къ инокамъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ:

„Отъ юныхъ лѣтъ я имѣлъ сильное желаніе посѣтить св. гору—земной удѣлъ Божіей Матери,—и Богъ удостоилъ меня побывать здѣсь уже два раза. Каждый разъ, посѣщая св. гору, я все болѣе и болѣе прилѣплялся сердцемъ къ вашей обители, видя здѣсь спасительные образцы вѣры и благочестія. Воспоминаніе о пребываніи здѣсь, среди боголюбивой и радушной братіи, о путешествіи по другимъ обителямъ Аѳонскимъ было для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній въ радостныя и скорбныя минуты жизни моей. Не думалъ я, чтобы пришлось мнѣ быть еще разъ среди васъ, боголюбивые братіе. И вотъ, Господь накі сподобилъ меня подвигнуть къ вамъ. Но тогда я былъ у васъ съ посохомъ странника, теперь—съ архипастырскимъ жезломъ; тогда—одинъ, а теперь купно со *други и ученики*. Привѣтствую васъ благословеніемъ

мира и любви, привѣтствіемъ Христа и Его Святыхъ Апостоловъ. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа да будетъ со всеми вами.*"

Затѣмъ Преосвященный, примѣнительно къ подвижнической жизни Аѳонскихъ иноковъ, повелѣ свою рѣчь о сущности и спасительномъ значеніи *подвижничества* и о вліяніи его, въ лицѣ подвижниковъ, на дѣла и судьбы міра и человѣческаго рода. Раскрывая послѣднюю мысль, Преосвященный поучалъ:

„Не облеченные внѣшнею властію, занимая самое скромное общественное положеніе, а то—и никакого, не обладая тлѣннымъ богатствомъ, истинные подвижники, облеченные внутреннею силою и богатствомъ духовныхъ дарованій и добродѣтелей, часто оказываютъ великое вліяніе на людей. Цѣлыя тысячи людей, по ихъ указаніямъ, устроили добрую жизнь свою, а другія тысячи хотя нѣсколько обуздывали грѣховные порывы свои. Сильные міра, даже цари, по ихъ совѣтамъ оставляли безъ исполненія одни предначертанія свои и приводили въ дѣйствіе другія. А сколько благодѣяній оказывали и оказываютъ святые подвижники—и частнымъ людямъ, и цѣлымъ городамъ, странамъ, народамъ своимъ молитвеннымъ предстательствомъ предъ Богомъ! Съ великимъ вліяніемъ ихъ на судьбы міра соединяется и великая безсмертная слава ихъ, которой не могутъ достигнуть дѣятели по духу міра, славные земли, безсмертные міра, ибо всякая слава человѣческая подобна скоро засыхающей и отцвѣтающей травѣ (1 Петр. 1, 24). Приводить-ли имена этихъ *друзей Божіихъ*? Не достанетъ мнѣ времени повѣствовать объ этомъ. Укажу на преподобнаго отца нашего Сергія, великаго подвижника земли русской, въ обители котораго мы имѣемъ счастье привитать. Кому неизвѣстна святая жизнь его и вліяніе даже на великихъ и сильныхъ міра сего, — вліяніе, продолжающееся болѣе 500 лѣтъ и имѣющее продолжаться въ роды родовъ? Вспомните затѣмъ жизнь покровителя вашей св. обители великомученика Пантелеймона. Вспомните прец. Петра Аѳонскаго, память котораго завтра будемъ праздновать, и другихъ подвижниковъ аѳонскихъ, которые какъ *крины присноцвѣтущи и всеблагоуханнѣи процвѣтоша въ надгоріяхъ и во удолияхъ*. Вспомните и о недавно скончавшихся великихъ старцахъ—Іеронимъ и Макаріи. Да будетъ имъ вѣчная память! Кто не

помнить этихъ старцевъ-подвижниковъ, столповъ современнаго Аѳона, знаемыхъ большинствомъ васъ, знаемыхъ и мною! Не говорю объ Аѳонѣ, знало ихъ наше отечество, знали ихъ весь православный міръ. Всѣ спѣшили къ нимъ, къ этимъ старцамъ, бѣжавшимъ отъ суетной славы мірской, отрехшимся отъ міра, со своими горестями, скорбями, недоумѣніями, сомнѣніями, и въ нихъ обрѣтали утѣшеніе, разумленіе, наставленіе, нравственное руководство и спасительное наставленіе. Опытю испытавъ на себѣ такое благотворное вліяніе этихъ старцевъ, я несомнѣнно найду подтвержденіе истинности сказаннаго мною въ васъ, братіе, постоянно находившихся подъ ихъ благодѣтельнымъ руководствомъ. Да неоскудѣваетъ же святой Аѳонъ подвижниками христіанской вѣры и благочестія! Тѣмъ онъ и дорогъ для насъ, что является разсадникомъ подвижничества всякаго рода даже до сего дня: пустынничества, отшельничества, общежительства, молчальничества, столпничества, затворничества, и др. Дорогъ онъ для насъ, какъ мѣсто непрестанной, немолчной денно-нощной молитвы къ Богу. Дорогъ для насъ, потому что не только молится, но и учитъ весь православный міръ своею живою вѣрою, своими подвигами и примѣромъ. Дорогъ онъ для насъ, какъ мѣсто подвиговъ нашихъ предковъ, начиная съ родоначальника нашего монашества препод. Антонія Печерскаго, черезъ которыхъ въ теченіи вѣковъ возвышеннѣйшій духъ христіанскаго подвижничества разливался и на наше богоспасаемое отечество. *Веселися же о Господѣ святоименный Аѳонъ, мысленный Богородицы и красный рай; се бо въ подгоріихъ твоихъ процвѣтоша кринь присноцвѣтущій и всеблагодуханнѣи, и во удоліяхъ и приморіяхъ твоихъ дрѣвеса небожтвръна и благостыннолиственная возростоша* (Изъ службы Св. Аѳ.).

Торжественность обстановки, воодушевленная рѣчь Владыки видимо произвели сильное впечатлѣніе на братію, потому что у многихъ отъ духовнаго восторга слезы лились изъ глазъ, особенно при упоминаніи о великихъ старцахъ, недавно скончавшихся, Макаріи и Іеронимѣ. Приложившись затѣмъ къ главѣ св. Великомученика Пантелеймона, присланной въ монастырь въ 14 вѣкъ ктиторомъ его сербскимъ царемъ Душаномъ Сильнымъ, и частицамъ другихъ мощей, Преосвященный отправился въ соборъ

Покрова Пр. Богородицы, помѣщающійся въ верхнемъ этажѣ громаднаго пятиэтажнаго корпуса. Здѣсь снова выслушали краткій молебенъ. Приложившись къ частицамъ мощей и къ находящейся надъ царскими вратами чудотворной иконѣ Іерусалимской Божіей Матери и почитаемой иконѣ св. Пантелеймона, Преосвященный преподалъ благословеніе каждому изъ братіи и богомольцамъ.

Послѣ этого насъ пригласили въ архондарикъ. Это—громадный, свѣтлый, гостинный залъ, красиво убранный и по стѣнамъ увѣшенный портретами и мѣстными видами. Среди портретовъ есть портретъ султана, русскихъ Государя и Государыни, наиболѣе прославившихся на Аѳонѣ иноковъ, нѣкоторыхъ изъ русскихъ митрополитовъ, и др. Здѣсь Преосвященный представилъ насъ Настоятелю монастыря о. Андрею, добродушному, простому и очень симпатичному старцу, и просилъ его не пенять на насъ, если послѣ дороги не окажемся „уставными“ исполнителями аѳонскихъ деннонощныхъ богослуженій. Угостили насъ сначала—по восточному—глико, а затѣмъ—по русски—чаемъ.

Въ это время стали являться къ Преосвященному за благословеніемъ иноки, знакомые ему по прежнимъ пребываніямъ его на Аѳонѣ. Радостна была встрѣча послѣ семнадцатилѣтней разлуки. Сколько перемѣнъ въ жизни за это время произошло! Волоса у многихъ засеребрились, а то и побѣлѣли, прямой станъ изогнулся, твердая увѣренная поступь поколебалась. Особенно трогательна была встрѣча съ двумя схимонахами. Одинъ изъ нихъ—схимонахъ Діонисій, за 70-тѣ лѣтъ, маленькаго роста, изможденный, съ высохшею кожей на лицѣ, точно пергаменъ, на которомъ какъ двѣ яркія точки блестяли два глаза. Поклонившись въ ноги Преосвященному, онъ со слезами на глазахъ сказалъ:

— „Благослови меня, Преосвященнѣйшій Владыко, грѣшнаго и непотребнаго раба Діонисія! Слава Богу и Царицѣ Небесной, что я сподобился видѣть еще тебя въ такомъ великомъ священномъ санѣ. Теперь уже можно и умереть. Во все время разлуки съ тобою, я непрестанно молился, чтобы Господь сохранилъ тебя отъ всѣхъ бѣдъ, напастей и искушеній лукаваго. Объ одномъ тебя теперь прошу. Времени житія моего, насколько я чувствую себя, осталось уже немного: и ноги не служатъ—одолѣлъ ревматизмъ, и руки слабо дѣйствуютъ,

послушаніи исполнять не могу, молитвенныхъ бдѣній выстайвать не въ состояніи,—никуда уже не годенъ. Пора, пора *домой*. Прошу же тебя, когда услышишь о моемъ отшествіи изъ міра сего, молись о мнѣ непрестанно, чтобы Господь простилъ мнѣ безчисленные мои грѣхи. Благослови же меня еще разъ“.

Послѣ этого подошелъ другой схимонахъ, не менѣе преклонныхъ лѣтъ. Поклонившись Преосвященному и испросивъ у него благословенія, онъ спросилъ:

— Узнаешь?

На отрицательный отвѣтъ Преосвященнаго, онъ сказалъ:

— Всмотрись! Можетъ быть и признаешь.

— Трофимъ Наумычъ!

— Да, былъ имъ, а теперь грѣшный схимонахъ Трефилій.

— Давно-ли здѣсь подвизаешься?

— Вскорѣ послѣ разлуки съ тобою, поѣхалъ домой, жену схоронилъ, дѣтей подружилъ, всѣ хозяйственныя дѣла имъ передалъ. Чего же мнѣ больше было дѣлать тамъ? Нужно позаботиться и о спасеніи души. Еще батюшка Макарій, когда я раньше здѣсь бывалъ не одинъ разъ, благословилъ меня спастись на св. горѣ, въ сей обители. Не думалъ, что увижу. тебя еще когда-либо. А теперь Господь сподобилъ и благословиться у тебя. Спаси тебя, Царица небесная!

Встрѣча съ давно знакомыми иноками, а особенно съ упомянутыми схимонахами, была очень пріятна Преосвященному, напомнивъ ему о его прежнихъ, незабвенныхъ дняхъ пребыванія на Аѳонѣ, въ дни его ранней юности. О. Діонисій сопровождалъ въ то время Преосвященнаго по Аѳону. Съ тѣхъ поръ установились между ними добрыя отношенія, которыя поддерживались иногда письменными сношеніями ¹⁾. О. Трефилій, бывший купецъ Трофимъ Наумычъ Мальковъ, былъ спутникомъ Преосвященнаго въ первое его путешествіе на Аѳонъ, начиная съ Одессы, и оказалъ ему немало важную услугу... Имъ обоимъ посвящено немало строкъ въ „Дневникъ Студента-паломника на Аѳонъ“.

Насъ размѣстили по номерамъ по-двое или по-трое. Номера-небольшіе, но чистые. Изъ оконъ и съ балкона, опоясывающаго корпусъ, открывается прекрасный видъ на море

¹⁾ Теперь, по полученнымъ свѣдѣніямъ, о. Діонисій скончался. Царствіе ему небесное!

и синѣющія вдали Олимпійскія горы. Отсюда и весь монастырь, какъ на ладони. Онъ расположенъ по косогору и имѣетъ видъ продолговатаго четырехъугольника. Внизу у самой пристани (арсана) находятся хозяйственныя постройки, гостиница для богомольцевъ и новое зданіе, въ которомъ помѣщается больница, живописная мастерская, фотографія, рухлядная, и т. п.; между ними и вратами, среди монастыря, садикъ, гдѣ растутъ лимонныя, апельсинныя и другія плодовые деревья и цвѣтутъ олеандры. На площадкѣ, предъ соборомъ св. Пантелеймона, выстроеннымъ изъ желтаго камня—красивый фонтанъ, а затѣмъ трапеза; съ другой стороны площадки—Покровскій корпусъ. А вдали плещется море, оживляющее картину...

Прозрачныя волны манятъ къ себѣ, а жара, какъ нельзя болѣе, располагаетъ къ купанью. Поэтому, размѣстившись по номерамъ, мы тотчасъ, подъ руководствомъ монаха, отправились купаться. Аѳонскій уставъ запрещаетъ инокамъ купаться. Но ради немощи плоти, нѣкоторые изъ нихъ разрѣшаютъ себѣ это невинное удовольствіе, другіе купаются съ благословенія настоятеля, въ виду болѣзненнаго состоянія и несомнѣнной пользы морскихъ купаній. До берега недалеко, но купанье неудобно, такъ какъ у самаго берега нагромождены громадныя скалы, о которыя вѣчно плещется море, и довольно глубоко, къ тому же и небо хмурилось. Плывшіе цѣлый день по небу тучи сгустились, обѣщая дождь, очень рѣдкій лѣтомъ на Аѳонѣ. По пути съ купанья, монахъ показалъ намъ монастырскую усыпальницу, гдѣ хранятся черепа и кости всѣхъ иноковъ умершихъ на Аѳонѣ, гдѣ, какъ извѣстно, чрезъ три года кости и черепъ вырываютъ изъ могилы, куда кладутъ новаго покойника; при этомъ молятся объ усопшемъ до тѣхъ поръ, пока тѣло совершенно не сгниетъ, а кости не побѣлѣютъ. Откуда взялся на Аѳонѣ такой обычай, монахъ не сумѣлъ намъ объяснить, сказавъ лишь, что онъ несомнѣнно очень древній. Вскорѣ послѣ купанья насъ пригласили въ большую столовую для почетныхъ гостей—ужинать. За ужиномъ присутствовали, кромѣ гостей, настоятель и старшая братія. Трапеза была, разумѣется, постная, но сытная и разнообразная. Послѣ ужина, мы долго любовались съ высоты балкона нашего корпуса разразившеюся надъ Аѳономъ сильною юж-

ною грозю. Грозная, черная туча повисла надъ горою, окутавъ тьмою и море, и всю окрестность. Молнія ежеминутно разрывала тучи и на мгновенье освѣщала всю окрестность, бушующее у подножія монастыря море и свѣжныя вершины синѣющихъ вдали Олимпійскихъ горъ. За молніею съ такою силою гремѣлъ громъ, что, казалось, гора разрывается на части, шатается ея основаніе и низвергается въ бездну. Туча разразилась ливнемъ, освѣжившимъ природу. Запахло благоуханіемъ цвѣтовъ. На небѣ ярко загорѣлись мириады звѣздъ. „Взбаламученное“ море еще рокотало: до насъ доносился глухой плескъ морскихъ волнъ о прибрежныя скалы.

— Экую благодать Господню вы къ намъ съ собою принесли!, говорилъ монахъ, любовавшійся вмѣстѣ съ нами грозю. Это у насъ рѣдко бываетъ лѣтомъ!

Долго мы гуляли по балкону, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ и прислушиваясь къ музыкѣ рокотавшихъ волнъ. Такъ, кажется, цѣлую ночь простояли бы, если бы не совѣтъ одного изъ иноковъ: „вы устали съ дороги, вамъ надо отдохнуть, а мнѣ уже скоро вставать“. Мы пожелали ему спокойной ночи, и ушли спать.

12-е Юня. Понедѣльникъ. Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.

Сегодня утромъ искупавшись, поспѣшили въ соборный храмъ, гдѣ по случаю празднованія памяти св. Петра, родоначальника афонскаго монашества, началось торжественное богослуженіе. Соборъ былъ полонъ народомъ, но, главнымъ образомъ, иноками; постороннихъ было не особенно много. Иноки стояли въ своихъ стасидіяхъ, которыя, впрочемъ, тотчасъ же были уступлены намъ, какъ мы только вошли въ храмъ. Преосвященный стоялъ въ настоятельской стасидіи. Служилъ самъ настоятель съ многочисленною братіею. Настоятель—въ митрѣ, увѣнчанной крестомъ. Богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ. Поютъ иноки большею частію по нотамъ, довольно стройно, хотя и не особенно гармонично. Соборъ малъ для такого большого монастыря, какъ Пантелеймоновскій, но очень свѣтелъ. Онъ—не старыи, заложенъ въ 1812 году. Стѣною раздѣленъ на двѣ неравныя части: притворъ, поддерживаемый четырьмя громадными мрамор-

ными колоннами, въ которомъ, по аѳонскому обычаю, совершается полунощница, девятый часъ и повечеріе, и самый храмъ, опоясанный съ трехъ сторонъ галлереею, поддерживаемою восьмью мраморными колоннами. Главный большой куполь собора покоится на четырехъ мраморныхъ колоннахъ, съ капителями очень тонкой работы. Отъ купола, вровень съ его объемомъ, на плоскихъ цѣпяхъ спускается огромный мѣдный кругъ, въ свѣзъ котораго входятъ двуглавые мѣдные орлы и иконы. Сверху кругъ устанавливается восковыми свѣчами. Въ срединѣ его виситъ большое русское, гроздеобразное паникадило, а съ четырехъ наружныхъ сторонъ крестообразно расположены меньшія паникадила. Это—греческій хоросъ. Въ воскресные и праздничные дни, во время выхода на средину священно-дѣйствующихъ, хоросъ съ зажженными паникадилами слегка раскачивается и описываетъ большіе круги въ воздухѣ, отъ чего получается сильный, хотя и нѣсколько театральнй эффектъ. Иконостасъ—деревянный, но сплошь вызолоченный, съ прекрасною и богато украшенною иконою св. Пантелеймона. Особенно старыхъ иконъ въ немъ нѣтъ. Стѣны собора украшены недурною, но ничего особеннаго не представляющею живописью. Единственно, чѣмъ она обращаетъ на себя вниманіе—это своею, такъ сказать, жизнерадостностью: сухихъ, строгихъ, схематичныхъ лицъ византійскаго подлинника здѣсь нѣтъ. Лики святыхъ здѣсь—степенные, благоговѣйные, и только.

Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ св. Петру Аѳонскому. Богослуженіе кончилось раздачею антидора. Изъ церкви Преосвященный послѣдовалъ въ архондарикъ, куда и мы приглашены были, и намъ предложено было глико и чай. Послѣ этого, съ балкона любовались чуднымъ видомъ на Архипелагъ. Море давно уже успокоилось. Солнце, свѣтившее съ высотъ голубого безоблачнаго неба, отражалось своими лучами въ спокойныхъ водахъ залива и слегка серебрило ихъ; вдали, гордо поднимая къ небу свои хребты, темнѣли горы, окутанные сѣрватою дымкой.

— Экая благодать-то у насъ,—говорилъ от. К., замѣтивъ наше восхищеніе,—какъ тутъ не славословить вѣчно Творца и не сказать: дивны дѣла Твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси!

Подкрѣпившись чаемъ, мы затѣмъ, подъ руководствомъ о. настоятеля, всѣ вмѣстѣ во главѣ съ Преосвященнымъ подробно знакомились со всѣмъ монастыремъ, который является первымъ и единственнымъ на Аѳонѣ русскимъ монастыремъ, хотя и не первымъ мѣстомъ поселенія русскихъ на Аѳонѣ,—о чемъ сохранились точныя историческія свѣдѣнія. Время появленія русскихъ иноковъ на Аѳонѣ точно неизвѣстно. Можно предполагать, что вскорѣ, послѣ принятія христіанства, русскіе стали приходить для поклоненія на св. гору, которая въ 10-мъ вѣкѣ уже служила средоточіемъ монашества и славилась на всемъ Востокѣ святою жизнью своихъ подвижниковъ, и нѣкоторые изъ паломниковъ, какъ напримѣръ Антоній Печерскій, оставались здѣсь. Но несомнѣнно, что русскіе иноки были на Аѳонѣ во 2-й половинѣ 12-го вѣка, такъ какъ въ 1169-омъ году они, живя въ монастырѣ Ксилургу, чрезъ своего игумена Лаврентія, обращались съ просьбою къ Проту (главное управленіе) св. горы о томъ, чтобы онъ далъ имъ свою самостоятельную обитель. Протъ уважилъ ихъ просьбу и далъ русскимъ обитель св. Пантелеймона, называвшуюся тогда обителью Фессалоникійца, что бы она, какъ говорится въ грамотѣ Прота, данной 15 августа 1169 г., „возстановлена была ими, обстроена на подобіе крѣпости, возблестѣла и укрѣпилась.... чтобы они (т. е. русскіе иноки)имѣли ее и распоряжались ею во всѣ послѣдующія непрерывныя времена самоправно и властно, сдѣлали ее истиннымъ монастыремъ“. (Акты русскаго на Аѳонѣ монастыря св. великомученика Пантелеймона, Кіевъ. 1873 г.). Такъ возникъ на Аѳонѣ первый русскій монастырь. Это, такъ называемый, старый или нагорный Руссикъ. Этотъ монастырь никогда особенно не процвѣталъ, хотя и пользовался поддержкою сербскихъ царей, а послѣ сверженія монгольскаго ига—и русскихъ государей. Во время перваго своего посѣщенія Аѳона, въ 1725 году, Барскій нашелъ его осиротѣлымъ и убогимъ, а черезъ 10-ть лѣтъ имъ завладѣли греки „умалившимся російскимъ монахомъ,“ какъ говоритъ Барскій (Втор. пут. СПб. 87 г. 296 стр.), „егда стало невольню имъ входить съ своего отечества въ чуждія страны“. Прежніе иноки его переселились въ маленькій монастырекъ на берегу моря, недалеко отъ нагорнаго Руссика. Изъ этого маленькаго монастыря и развился нынѣшній первый по числу

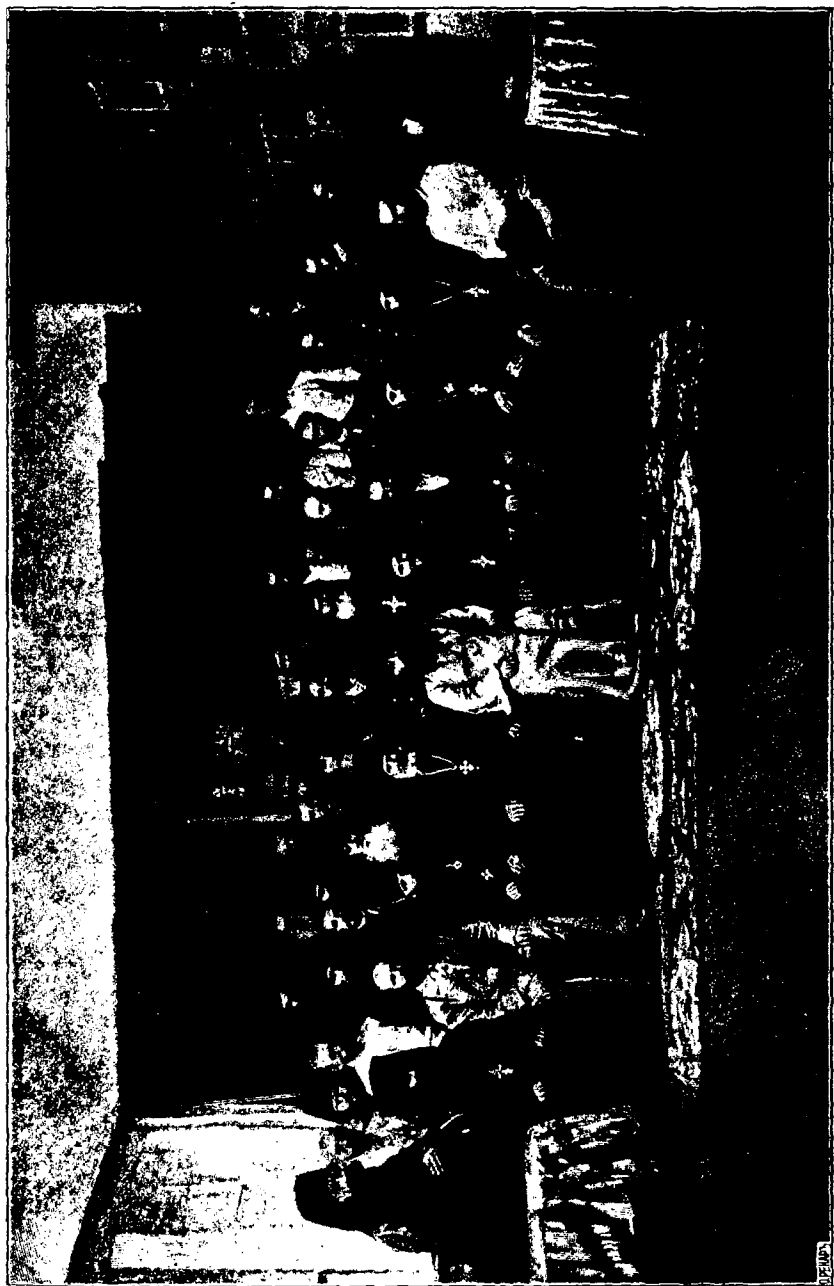
инокѣ на Аѳонѣ громаднѣйшій Пантелеимоновскій монастырь. Но и новѣйшій монастырь долгое время находился въ плачевномъ положеніи и цвѣтущаго состоянія достигъ сравнительно недавно. Устройству его много содѣйствовалъ первый игумень его Савва и великій драгоманъ Порты, князь Скарлатъ Каллимахъ, получившій по молитвѣ Саввы отъ св. Пантелеймопа исцѣленіе отъ смертельной болѣзни; затѣмъ іеромонахъ Аникита (въ мѣрѣ князь Ширинскій-Шихматовъ), поселившійся въ 1835 году въ Русикѣ и привлекшій сюда много иноковъ русскихъ. Но все-таки обитель была мало обезпечена и немало страдала отъ турокъ во время русско-турецкихъ войнъ и отъ грековъ. Процвѣтать она стала по мѣрѣ того, какъ росло ея матеріальное благосостояніе. Послѣ Высочайше разрѣшеннаго сбора въ Россіи пожертвованій въ 1841-омъ году, въ монастырь возникли новыя храмы: святителя Митрофана, Покрова Пресвятыя Богородицы и много другихъ, необходимыхъ для обители зданій. Но особенно плодотворно для обители было путешествіе по Россіи въ 1862—67 годахъ съ иконою и мощами св. Пантелеймона, совершившими много чудесъ. Послѣ этого обитель стала благоуукрашаться и съ внѣшней стороны, и усовершенствоваться съ внутренней, имѣя во главѣ такихъ старцевъ, какъ Макарій и Іеронимъ. Число ея братіи въ настоящее время болѣе тысячи. Она устроила Аѳонскій монастырь на Кавказѣ (Симоно-Кананскій); имѣетъ подворья для паломниковъ во многихъ городахъ, богатые метохы (дачи) и пятьдесятъ пять (въ монастырѣ—19 и на разныхъ мѣстахъ монастырской земли—36) церквей, содержитъ свои заводы (красильный, кожевенный и другіе), имѣетъ иконописную мастерскую съ фотографіей, портняжныя и тому подобныя заведенія, богатую ризницу и бібліотеку.

Знакомство съ монастыремъ мы начали съ обзора бібліотеки. Библіотекою завѣдуетъ давно уже извѣстный намъ по ученымъ описаніямъ аѳонскихъ книжныхъ сокровищъ благообразный старецъ о. Матѣей, любезно показавшій намъ ее. Она занимаетъ двѣ не особенно большія комнаты и содержится въ большомъ порядкѣ. О. Матѣей — живой каталогъ. Когда В. Никаноровичъ высказалъ желаніе познакомиться съ одною старинною книгою, о. Матѣей тотчасъ ее нашелъ по крайней мѣрѣ скорѣе, чѣмъ В. Н. успѣлъ отыскать ее въ

каталогъ. Профессоръ Викторъ Григоровичъ, посѣтившій бібліотеку Пантелеймоновскаго монастыря въ 1848 году, видѣлъ здѣсь до 60 рукописей и до 500 книгъ (Очеркъ путешествія по европейской Турціи. Казань 1848 г., 76 с.), въ настоящее же время здѣсь насчитывается до 800 рукописей съ X — XIX вв., на греческомъ и славянскомъ языкахъ, и болѣе 20 тысячъ печатныхъ книгъ, а сама бібліотека, по справедливому замѣчанію профессора Дмитріевскаго, является одною изъ самыхъ благоустроенныхъ на Аѳонѣ. Цѣнныя рукописи Пантелеймоновскаго монастыря уже всѣ описаны. Мы долго любовались замѣчательно изящными миниатюрами, приложенными къ одному древнему рукописному пергаментному евангелію XI вѣка. Печатныя книги преимущественно богословскаго содержанія,—есть очень цѣнныя. Но есть книги и по другимъ отраслямъ знаній: историческія, литературныя, естественно-научныя; выписываются и журналы, почти всѣ духовные. Книги расположены по отдѣламъ, въ отдѣльныхъ шкафахъ.—Изъ бібліотеки насъ провели въ ризницу. Она занимаетъ одну большую, свѣтлую и чистую комнату. Ризница—не древняя и очень цѣнныхъ вещей здѣсь нѣтъ. Ризничій показалъ намъ множество новыхъ ризъ, подаренныхъ монастырю благотворителями, нѣсколько евангелій и иконъ. Наше вниманіе обратили на себя двѣ иконы: одна—изяществомъ работы, другая—оригинальностью. Первая представляетъ тайную вечерю, высѣченную изъ мрамора,—икона замѣчательно тонкой работы. Другая изображаетъ символически Св. Троицу въ видѣ треугольника, съ объясненіемъ значенія каждой стороны угловъ и діагоналей.—Изъ ризницы прошли въ рухлядную, а затѣмъ въ трапезную. Въ рухлядной сохраняется одежда и обувь, предназначаемая для иноковъ, которые, не имѣя никакой собственности и своихъ денегъ, получаютъ все необходимое отъ монастыря. Одежда поражаетъ своею простотою. Обувь (туфли) приспособлена для ходьбы по горнымъ тропинкамъ, усыяннымъ мелкими камнями.—Трапезная занимаетъ нѣсколько большихъ, свѣтлыхъ залъ, стѣны которыхъ украшены ликами святыхъ и событіями изъ евангельской исторіи. Когда мы вошли сюда, для братіи готовилась трапеза. Столы были покрыты скатертями и на нихъ разставлены графины съ краснымъ виномъ, по случаю праздника, тарелки съ маслинами—украшеніемъ

монашескаго стола. Трапеза въ монастырѣ бываетъ дважды въ день, а въ понедѣльникъ, среду и пятокъ—одинъ разъ въ день, и безъ масла. Въ западной оконечности трапезы находится мѣсто настоятеля, который почти всегда присутствуетъ на трапезѣ вмѣстѣ съ братією. Отдѣльная трапеза для инокъ строго возбраняется здѣсь.—Въ виду затянувшагося долго времени, знакомство съ монастыремъ мы закончили обзоромъ иконописной мастерской, послѣ чего снялись въ монастырской фотографіи. Иконописная мастерская въ монастырѣ процвѣтаетъ: она едва успѣваетъ изготовлять заказы, дѣлаемые ей изъ Россіи. Много готовыхъ и начатыхъ иконъ, преимущественно св. Пантелеймона и Божіей Матери. Всѣ иконы исполнены прекрасно; написаны колоритно, красиво и жизненно, хотя любитель настоящаго византійскаго икононаго письма, конечно, ихъ не одобритъ.

Изъ фотографіи пригласили насъ въ столовую для почетныхъ гостей, гдѣ была приготовлена для насъ трапеза. Благословляя трапезу Преосвященный. Кромѣ настоятеля и намѣстника монастыря за трапезою присутствовали и нѣсколько другихъ братій. Среди насъ сидѣли, между прочимъ, два инока, съ которыми мы тутъ же и познакомились: о. А. (изъ рода Кирѣевскихъ) и о. К. (изъ князей Вяземскихъ). О. А. еще совсѣмъ молодой и очень симпатичный инокъ. Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ кончилъ Московскій Университетъ, одинъ годъ слушалъ лекціи въ нашей Академіи, затѣмъ постригся на Аѳонѣ въ монахи по призванію, которое онъ чувствовалъ, по его словамъ, съ ранней юности. Сейчасъ онъ простымъ инокомъ и по его усталому, изможденному лицу, на которомъ играетъ болѣзненный румянецъ, видно, что монашескіе подвиги даются ему нелегко, хотя самъ онъ не соглашается съ этимъ. Онъ говоритъ, что очень доволенъ монастыремъ и жизнью здѣсь, и ничего больше не хочетъ. На Аѳонѣ онъ пошелъ, по его признанію, потому, что тамъ осуществляется настоящій идеалъ монашества, какъ онъ его понимаетъ: нѣтъ заботы о мірскомъ, монахи большую часть времени посвящаютъ молитвѣ и духовному созерцацію, а главное, въ Аѳонскомъ монастырѣ, есть великое утѣшеніе для инока—это обычай причащаться каждую субботу (а кто можетъ — и чаще) Св. Христовыхъ Тайнъ, дѣлающій инока постояннымъ общникомъ со Христомъ.—О. К.

Академическая группа наломниковъ съ настоятелемъ и братію Пантелеймоновскаго монастыря.

принадлежить къ другому типу. Это — образованный человѣкъ (спеціальность — астрономія и естественныя науки, которыя онъ слушалъ въ Парижѣ, говорить на новыхъ языкахъ), много пожившій, какъ видно по его лицу, носящему слѣды житейскихъ тревоженій, все потерявшій въ мірѣ и ищущій въ монастырѣ среди чудной природы горы тихаго пристанища подъ старость. Онъ — схимонахъ, но связей съ міромъ не порвалъ. Онъ интересуется богословскою наукою и состояніемъ духовнаго просвѣщенія въ Россіи; знаетъ труды нѣкоторыхъ изъ нашихъ профессоровъ. О. К. мало доволенъ положеніемъ богословскаго образованія въ Россіи, хотя, надо сознаться, у него довольно смутныя понятія и познанія въ этой области... Считая въ числѣ причинъ неудовлетворительнаго состоянія духовнаго образованія, между прочимъ, отсутствие надлежащихъ учебниковъ по предметамъ семинарскаго курса, онъ занялъ въ настоящее время составленіемъ учебника по психологіи для духовныхъ семинарій. Изъ существующихъ учебниковъ — одни, по его мнѣнію не научны; другіе недостаточно проникнуты христіанскими воззрѣніями и стоятъ подъ вліяніемъ такихъ безбожныхъ западныхъ психологовъ, какъ Карпентеръ (о. К. считаетъ его почему-то безбожнѣйшимъ психологомъ). Предполагаемый же учебникъ о. К., по его мнѣнію, будетъ чуждъ этихъ недостатковъ. О. К. уже приступилъ къ исполненію своей мысли и въ будущемъ году надѣется выпустить свой учебникъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ „Христіанская психологія“. Онъ былъ такъ любезенъ, что послѣ обѣда прочиталъ намъ въ своей келліи нѣсколько главъ изъ написаннаго имъ. Здѣсь онъ говоритъ о побужденіяхъ, заставившихъ его приступить къ работѣ. Затѣмъ опредѣляетъ душу, какъ „частицу божества“ и математическими выкладками, въ связи съ сылками на естественныя науки, старается доказать и духовность ея. Желая всякаго успѣха автору — иноку, мы опасаемся, какъ-бы и его учебникъ не испыталъ участи критикуемыхъ имъ другихъ учебниковъ...

На Аѳонѣ мы могли пробыть только недѣлю; если бы захотѣли болѣе, пришлось-бы три недѣли дожидаться парохода. Хотѣлось пожить въ Русикѣ, гдѣ мы нашли необыкновенно радушный пріемъ; хотѣлось осмотрѣть и другіе монастыри Аѳона, хотѣлось подняться за облака на вершину

Аѳона, откуда, по отзывамъ всѣхъ описаній, открывается очаровательный видъ на окрестность. Трудно и даже невозможно было сдѣлать все это въ такой короткій срокъ; нужно было сократить свои желанія, выбравъ что нибудь одно. Преосвященный, поднимавшійся на вершину горы въ первыя посѣщенія Аѳона и посѣтившій тогда большинство греческихъ монастырей, теперь намѣтилъ для своего посѣщенія наиболѣе крупныя монастыри: болгарскій Зографъ, Ватопедъ, Иверъ и русскіе скиты, гдѣ собирался служить. Къ нему присоединились профессора и двое студентовъ. Одинъ изъ студентовъ рѣшился все время пребыванія нашего на Аѳонѣ провести въ гостепримномъ Русикѣ, раздѣляя монашескіе подвиги, а остальные семь человекъ, во главѣ съ о. Анастасіемъ, собрались подняться на вершину св. горы, затѣмъ посѣтить крупнѣйшіе греческіе монастыри: Лавру св. Аѳанасія, Иверъ, русскіе скиты и нѣкоторыя изъ русскихъ келліи.

Изъ Пантелеймоновскаго монастыря, напутствуемые благожеланіями иноковъ, отправились мы всѣ вмѣстѣ въ 4 часа пополудни въ путешествіе по горѣ. Къ этому времени къ пристани подали катеръ, въ который мы и усѣлись. Преосвященнаго отправились изъ монастыря сопровождать—о. Паисій и о. Юрамъ; намъ дали въ проводники любезнѣйшаго и добрѣйшаго, какъ потомъ оказалось, о. Ивистіона. Къ компаніи Преосвященнаго примкнули о. Сергій Орловъ, помощникъ настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, учитель посольской школы въ Константинополѣ г-нъ Осіевскій, студентъ Одесской дух. семинаріи и Константинопольскій корреспондентъ Новаго Времени г-нъ Семека.

Катеръ, управляемый опытными монахами, быстро побѣжалъ вдоль берега горы на сѣверъ къ пристани Зографскаго монастыря, гдѣ долженъ былъ сойти на берегъ Преосвященный со своими спутниками. Вскорѣ за Русикомъ на самомъ берегу моря показался монастырь Ксенофъ, обнесенный высокими стѣнами и похожій на средневѣковую крѣпость. Затѣмъ проплыли мимо живописно раскинувшася на низменной прибрежной скалѣ, среди садовъ и цвѣтущихъ рощъ, Дохіара, надъ которымъ господствуетъ громадный пиръ (башня). Наконецъ и пристань Зографскаго монастыря, до котораго отъ берега не болѣе полчаса разстоя-

нія. На берегу высится пиргъ; въ немъ устроена церковь во имя Св. Николая и живетъ нѣсколько братій—болгарь; онъ же служитъ складочнымъ мѣстомъ пшеницы и различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Тутъ уже ожидали осѣдланые мулы, присланные изъ Пантелеймоновскаго монастыря. На нихъ и отправился въ Зографъ Преосвященный со своими спутниками по очень хорошей для Аѳона дорогѣ, идущей среди дубовъ, яворовъ, липъ и другихъ вѣковыхъ деревьевъ. Скоро показался и самый Зографъ. Приближеніе Преосвященнаго къ монастырю возвышено было нѣсколькими ружейными выстрѣлами сопровождавшихъ эту компанію кавасовъ. Затѣмъ послышался стройный колокольный звонъ и скоро показался „живописнѣйшій“ Зографъ. У монастырской порты встрѣтили Преосвященнаго о. настоятель Григорій и вся братія, съ иконами, хоругвями, крестомъ. Послѣ краткой литіи въ главномъ соборѣ храма, Преосвященный по обычаю привѣтствовалъ братію краткимъ словомъ и прикладывался къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ. Послѣдовавшій затѣмъ осмотръ монастыря произвелъ на всѣхъ самое прекрасное впечатлѣніе. Онъ не напрасно называется „живописнымъ“. Мѣстоположеніе его восхитительное, живописное: кругомъ богатѣйшая растительность, дикія дебри и зеленѣющіе сады, горы, доли и поляны, шумящіе потоки... Корпуса отдѣланы заново, и притомъ изящно и удобно. Вездѣ чистота, опрятность и удобство. Зографъ—исключительно болгарскій монастырь. Основаніе его восходитъ къ болѣе глубокой древности, чѣмъ даже Лавры св. Аѳанасія. Онъ сначала былъ не на этомъ мѣстѣ, а немного далѣе,—ближе къ морю, но послѣ разгрома турецкаго устроился на данномъ мѣстѣ между горами, въ мѣстности вполне уединенной, вполне соответствующей характеру монастырской жизни. Въ Зографскомъ монастырѣ Преосвященный и его спутники ночевали.

Между тѣмъ студенты, собравшіеся на вершину Аѳона, распрощившись у пристани Зографскаго монастыря съ Преосвященнымъ, напутствуемые его благословеніемъ при пѣніи *εὐχολογία* и тропаря великомученику Пантелеймону, на катерѣ снова отправились вдоль берега Аѳона назадъ. Снова миновали Дохіаръ, Ксенофъ, Русикъ, проѣхали мимо Ксиропо-тама, живописно расположившагося на красивой горной рав-

нинѣ недалеко отъ Руссика, и Симоно-Петра, точно повиснувшаго въ воздухѣ, Григоріата, Діонисіата, Св. Павла, пріютившихся на прибрежныхъ скалахъ; съ головокругительной высоты смотрѣли на насъ многочисленныя келліи и скиты, расположенныя на южной сторонѣ Аѳона и гнѣздящіяся на голыхъ и отвѣсныхъ скалахъ каливы и келліи Карули. Всѣ мы настроены были прекрасно; подчинились нашей жизнерадостности и сопровождавшіе насъ иноки, особенно о. Ивистіонъ, ставшій затѣмъ положительно душою нашего общества.

— Благословите, батюшка о. Анастасій, чайку выпить, — говорилъ онъ, разнося громадныя аѳонскія чашки. Мы жару-то немножко пугнемъ, а то силъ вѣдь нѣтъ.

Наконецъ нашъ катеръ остановился противъ пристани Свято-Павловскаго монастыря. Работавшіе на пристани, по знаку о. Ивистіона, подали намъ лодки и мы скоро очутились снова на землѣ.

Было шесть часовъ вечера, по турецки 10-ть. Солнце склонялось къ западу и косыми лучами слегка золотило спокойную поверхность водъ залива св. горы, дремавшихъ въ волшебномъ полуснѣ. У самаго берега о громадныя прибрежныя скалы слегка плещутся и играютъ прозрачныя волны, но плещутся тихо, словно боясь нарушить торжественную тишину, господствующую здѣсь. Сзади насъ, уходя въ синюю высь своей заоблачной вершиною, стоитъ, какъ какой-нибудь сказочный исполинъ, самая гора, сосредоточенная и угрюмая, бросающая отъ себя громадную тѣнь на воды Архипелага. Къ ней прижимаются своими основаніями нѣсколько меньшихъ горъ; зіяютъ между ними громадныя страшныя пропасти. Кругомъ насъ чудный вѣковой лѣсъ.

Маршрутъ восхожденія на гору у насъ таковъ: до захода солнца дойти до келліи св. Георгія, отстоящей на два часа пути отъ моря, и тамъ переночевать; раннимъ утромъ слѣдующаго дня подняться на мулахъ, которыхъ обѣщали прислать сюда изъ Пантелеймоновскаго монастыря, съ передышкою въ Богородичномъ скиту, на вершину, гдѣ отслужить божественную литургію. Восхожденіе на гору мы начали очень бодро, хотя о. Ивистіонъ, постоянно отстававшій, совѣтовалъ не торопиться.

— Скоро, скоро уходитесь, — говорилъ онъ, — это только спервоначалу-то вы такъ бойки.

Но пока идти было прекрасно. Нависшіе надъ тропинкою, по которой мы пробирались вереницею, вѣковые дубы, липы, яворы, защищавшіе насъ отъ палящихъ еще лучей солнца, значительно облегчали восхожденіе на гору, а открывавшіеся, почти съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ извивавшейся змѣйкою по хребту горъ дороги все новые и новые виды, и одинъ красивѣе другого, дѣлали нашъ путь прямо очаровательнымъ. Вотъ, то идемъ мы по отвѣсу горы и подъ нами темнѣетъ бездонная пропасть, то поднимаемся на хребетъ ея и по обѣ стороны открывается чудный видъ на далекое—далекое синее море и громоздящіяся другъ на друга причудливые горы съ нависшими надъ безднами скалами, готовыми ежеминутно низринуться внизъ; поворотъ—и мы спускаемся въ горное ущелье, по дну котораго, журча, бѣжитъ горный ручеекъ; само ущелье—такое глубокое, что туда не проникаетъ никогда лучъ свѣта; здѣсь сразу вѣетъ на насъ прохладю и сыростью; проходить еще нѣсколько минутъ—и ущелье остается позади, а мы снова поднимаемся въ гору, откуда открывается новый видъ на окрестность, ярко освѣщенную солнцемъ; еще нѣсколько шаговъ, зашли за вершину одной горы, и на ту-же картину легла темная, густая тѣнь. Жуткая, таинственная тишина лишь изрѣдка нарушается паденіемъ оторвавашагося сверху камня и монотоннымъ шумомъ извергающихся по мѣстамъ изъ горныхъ ущелій водопадовъ. Кругомъ—ни человѣческаго лица, ни жилья. Одна только, то роскошная, то грандіозная и суровая, но всегда безконечно красивая природа. Восторгамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца. Но предсказаніе о. Ивистіона начинаетъ сбываться. Впередъ мы подвигаемся очень медленно, и страшно всѣ устали. Ноги начинаютъ подгибаться, камни выскальзываютъ изъ подъ нихъ, и каждый шагъ требуетъ усилій и напряженія. Уже 8-мь часовъ, солнце моментально скрылось за моремъ и темная южная ночь опустилась надъ горою, потемнѣло небо, загорѣлись звѣзды, повѣяло прохладю. Мы начинаемъ отчаиваться дойти сегодня до келліи св. Георгія. О. Ивистіонъ утѣшаетъ малодушныхъ, говоря, что келлія рядомъ; но ея все нѣтъ и нѣтъ, а дорога поднимается все выше и выше. Наконецъ, къ радости нашей, блеснулъ огонекъ, какъ будто недалеко,—но не тутъ-то было. Рядомъ съ дорогою пропасть, черезъ которую

нельзя перебраться. Догнавшій насъ о. Ивистионъ объяснилъ, что это—калива; здѣсь живутъ два молдаванина—монаха; калива рядомъ, но подойти къ ней дѣйствительно нелегко. Мы хотѣли было все-таки итти ночевать къ молдаванамъ, не надѣясь дойти до келліи св. Георгія, но о. Ивистионъ убѣдилъ насъ, что у молдаванъ мы не найдемъ, можетъ быть, даже куска хлѣба, а до келліи св. Георгія—рукой подать. Дѣйствительно, за каливою молдаванъ скоро блеснулъ огонекъ снова. Мы достигнули цѣли. Трудъ, потраченный на восхождение, былъ въ значительной мѣрѣ искупленъ тѣмъ гостепріимствомъ, съ какимъ насъ встрѣтилъ настоятель келліи, о. Георгій. Это—чрезвычайно простой и радушный человѣкъ. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ своихъ старинныхъ знакомыхъ, которыхъ давно поджидалъ, хотя и не зналъ о нашемъ приходѣ, такъ какъ мулы, которыхъ обѣщали прислать сюда Пантелеймоновцы, еще не приходили. Братія уже спала. Онъ поднялъ всѣхъ на ноги. Предложилъ переодѣться. Это предложеніе было, какъ нельзя болѣе, кстати. На насъ не только рубашки, но и все нижнее бѣлье и верхняя одежда были мокры отъ пота. Все наше бѣлье и кители забрали сушить, а насъ облекли въ длинныя, похожія на женскія, монашескія рубашки и дали пояса. Нѣкоторые надѣли монашескіе подрясники. Въ такихъ оригинальныхъ костюмахъ мы и усѣлись за ужинъ, которымъ, не смотря на нашъ протестъ, угостилъ насъ о. Георгій, все время просившій извиненія за скудость трапезы, которая хотя и не отличалась особенно богатствомъ блюдъ, но искупалась чрезвычайнымъ радушіемъ добрѣйшаго хозяина о. Георгія. Послѣ ужина съ большимъ удовольствіемъ улеглись спать. О. Георгій обѣщаль разбудить насъ въ 4 часа, чтобы подняться на гору до жары, обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ дать и муловъ своихъ, если не успѣютъ притти Пантелеймоновскіе.

13-е Іюня. Вторникъ. По Аѳону.

Подняли насъ въ 4 часа утра. Солнце уже встало, хотя еще и не пекло. Мулы изъ Пантелеймоновскаго монастыря не пришли. Поэтому мы сѣли на небольшихъ рабочихъ муловъ о. Георгія и, благословясь, тронулись въ путь. На мулахъ оригинальное деревянное, довольно широкое сѣдло,

покрытое мягкимъ ковромъ. Провожая насъ, о. Георгій преподаль намъ наставленія относительно управленія мулами въ смыслѣ предоставленія имъ полнѣйшей свободы, которой они не злоупотребляютъ, шествуя вереницею одинъ за другимъ, имѣя впереди себя стараго, опытнаго сотоварища—мула; а всякое поползновеніе на ихъ неприкосновенность, въ видѣ удара бичемъ или палкою, можетъ быть отомщено со стороны шенетильныхъ муловъ самымъ чувствительнымъ образомъ. За мулами бѣгутъ нѣсколько погонщиковъ. Ёдемъ шагомъ, мулы осторожно переступаютъ съ ноги на ногу, боясь поскользнуться и упасть въ пропасть. Они кажутся сосредоточенными и глубоко задумавшимися. Съ непривычки тяжело ѣхать на широкомъ сѣдлѣ, находясь при томъ въ полной власти четверо-ногаго господина, который держитъ въ постоянномъ страхѣ непривычнаго сѣдока, идя то по самому краю бездны, то прижимаясь къ выступамъ скаль. Виды по прежнему необыкновенно живописны. Все то-же синѣющее вдали безбрежное, бирюзовое, словно дремлющее подъ горячими лучами солнца, море, тѣ же великаны—горы кругомъ, тѣже бездонныя, темныя мрачныя пропасти. Чѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ горизонтъ все болѣе расширяется и виды становятся лучше и разнообразнѣе. Море уходитъ въ безконечную даль, далеко видны острова Архипелага и на большомъ пространствѣ южная часть горы, среди которой изъ зелени по мѣстамъ выглядываютъ монастыри, скиты, келліи, каливы. Растительность по прежнему прекрасная, но растутъ здѣсь преимущественно только каштаны и сосна; съ каждымъ же шагомъ выше, и они встрѣчаются рѣже, а наконецъ и совсѣмъ пропадаютъ. Тропинка идетъ зигзагами по почти отвѣсной, бѣломраморной вершинѣ горы, на которой ничего не растетъ, даже травы. Собственно и тропинки нѣтъ: все пространство горы, открывающейся предъ нами, усѣяно мелкими острыми камнями и дорогу о. Ивистіонъ узнаетъ только по кучамъ камней, набросанныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ паломниками, поднимавшимися на гору, по просьбамъ проводниковъ.

Солнце печетъ. Часа полтора спустя по выѣздѣ изъ келліи св. Георгія на насъ вдругъ повѣяло сыростью и холодомъ: мы въѣхали, какъ оказалось, въ облако. Скоро мы увидали его у насъ подъ ногами,—оно ползло по гребню горы. Около 6¹/₂ ча-

совъ мы добрались до келліи Пресвятой Богородицы. Здѣсь, по аѳонскому преданію, отдыхала Божія Матерь, когда поднималась на вершину горы. При келліи—небольшая полузапущенная церковь и одинъ монахъ. Мы зашли въ церковь и пропѣли величаніе Божіей Матери и Достойно есть. О. Ивистіонъ поручилъ монаху приготовить намъ чай ко времени возвращенія съ вершины, и мы снова тронулись въ путь. Обыкновенно у келліи Богородицы оставляютъ муловъ и далѣе идутъ пѣшкомъ; но о. Ивистіонъ посовѣтовалъ намъ и далѣе ѣхать на мулахъ, такъ какъ эти животныя привыкли къ горамъ и лучше человѣка найдутъ дорогу. Около келліи Богородицы еще есть нѣсколько вѣковыхъ одинокихъ сосенъ, но далѣе начинается совершенно голая гора. Впередъ подвигаемся необыкновенно медленно. Мулъ, прежде чѣмъ ступить, ощупываетъ ногою камень. По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ, становится замѣтно холоднѣе. Наконецъ, за четверть часа до вершины, гора дѣлается настолько отвѣсною, что и мулъ не можетъ идти. Тогда муловъ съ погонщиками отослали назадъ къ келліи Богородицы и сами пошли пѣшкомъ. Теперь мы вполнѣ оцѣнили сумѣнье муловъ. Камни скользятъ изъ подъ ногъ, нога обрывается, а внизъ и посмотрѣть страшно: тамъ безконечная пропасть! Одно только движеніе, и можно очутиться тамъ внизу, въ безднѣ. Карбакаемся впередъ, часто прибѣгая къ помощи рукъ. Церковь видна, вершина кажется близко, но сколько еще надо усилій, чтобы добраться до нея! Въ 8 часовъ мы были на вершинѣ. ¹⁾ Вершина горы представляетъ заостренную, неправильной формы, мраморную скалу съ выравненною маленькою площадкою. Почти половину этой площадки занимаетъ небольшой каменный храмъ во имя Преображенія Господня, построенный недавно, въ 1896г., на мѣстѣ прежняго храма, бывшимъ вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ Ш-имъ, пребывающимъ нынѣ на покоѣ, на Аѳонѣ. Храмъ безъ креста; его ломаютъ постоянно свирѣпствующія здѣсь бури; поэтому же здѣсь никто и не живетъ. Въ деревянномъ иконостасѣ двѣ старыя иконы. Отсутствие въ храмѣ иконъ, къ которымъ такъ привыкъ нашъ глазъ въ русскихъ храмахъ, производитъ впечатлѣніе запущенности. Нерѣдко здѣсь, преиму-

¹⁾ Гора болѣе двухъ верстъ вышины. По Гумбольдту—2065 метровъ.

шественно въ лѣтнее время, совершается божественная литургія аѳонскими іеромонахами, или пріѣзжими священнослужителями. Поднимается иногда сюда для совершенія литургіи и создатель новаго храма именитый отшельникъ Аѳона, патріархъ Іоакимъ 3-й. Въ храмовой же день, 6-го августа, бываетъ торжественное богослуженіе, совершаемое неизмѣнно въ послѣднее десятилѣтіе патріархомъ Іоакимомъ въ сослуженія многихъ священнослужителей, въ присутствіи большого числа молящихся. Стѣны храма и даже всего алтаря и иконостаса исписаны крупными надписями посѣтителей вершины горы.

О. Анастасій съ о. Варсонофіемъ отслужили теперъ обѣдню, молебень и панихиду; мы пѣли, о. Ивистіонъ прислуживалъ въ церкви. Вѣроятно, маленькая церковь никогда еще не видала богослуженія, совершеннаго съ такимъ одушевленіемъ. Оригинальность всей обстановки этой заоблачной церкви, невольно воодушевляла и располагала къ хвалѣ и благодаренію Творцу. Послѣ богослуженія, мы нѣсколько времени любовались чуднымъ видомъ, открывающимся съ вершины горы. Видъ дѣйствительно неподобный! На западъ отъ насъ убѣгаетъ неширокою полоскою весь Аѳонъ, окутанный сѣроватыми клубами облаковъ. Они плывутъ у нашихъ ногъ, открывая то одну, то другую часть Аѳона, съ выглядывающими изъ густой зелени монастырями, скитами, келліями, кажушимися отсюда совсѣмъ маленькими. Въ концѣ Аѳона видна тонкая полоса бывшаго канала Ксеркса, за нею причудливая очертанія Македонскихъ горъ и окутанная синеватою дымкой снѣжная вершина Олимпа. Съ другой стороны вершины картина еще очаровательнѣе. Здѣсь предъ глазами открывается уходящее въ безконечную даль голубое, спокойное море, сливающееся на горизонтѣ съ такимъ же небомъ. Самый воздухъ, насыщенный лучами солнца, кажется также синеватымъ. Сквозь его синеву изъ морской глубины выступаетъ цѣлый рядъ острововъ Архипелага: Самоѳраки, Тассо, Имбросъ, Лемносъ. Подъ ногами—бездонная пропасть. Голова кружится, когда подходишь къ концу площадки и смотришь внизъ. Съ западной стороны нагромождены другъ на друга громадныя скалы, висящія въ воздухѣ надъ бездною. На одной изъ скалъ сидитъ бѣдно одѣтый спромахъ-монахъ. Онъ собираетъ „слезы Божіей Матери“,—такъ называется цвѣтокъ,

растущій въ ущельяхъ скалъ и принадлежащій къ породѣ безсмертниковъ. Собираніе его сопряжено съ большими трудностями. За нимъ приходится карабкаться по голымъ отвѣснымъ скаламъ, рискуя каждую минуту низвергнуться въ бездну. И иногда бываютъ такіе случаи. Тѣмъ не менѣе сиромонахи любятъ собирать „слезы Божіей Матери“, такъ какъ паломники охотно покупаютъ ихъ и этотъ промыселъ даетъ доходъ, достаточный для существованія отшельника. Сиромахъ предложилъ намъ по небольшому пучку красныхъ цвѣточковъ „ради вашей любви“, какъ говорилъ онъ. Долго можно было-бы пробыть на вершинѣ Авона, любуясь чудными видами, открывающимися съ нея, но, не смотря на жаркій вообще день, здѣсь было холодно въ лѣтнихъ костюмахъ. Поэтому, напившись воды изъ источника около церкви, подкрѣпившись хлѣбомъ, захваченнымъ запасливымъ о. Ивистіономъ, и написавъ, по обыкновенію всѣхъ паломниковъ, свои имена на одной изъ висящихъ надъ бездною скалъ, набравъ на память мраморныхъ камней, мы отправились обратно. Схождение съ горы оказалось не менѣе, если только не болѣе, труднымъ, чѣмъ восхождение. Итти приходилось необыкновенно медленно, такъ какъ камни катились изъ подъ ногъ и нога то и дѣло соскальзывала, такъ что частенько приходилось прибѣгать къ помощи рукъ. Дорога—зигзагами, и поэтому идемъ долго, а впередъ подвигаемся медленно и какъ будто толчемся на одномъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ насъ, не смотря на протесты и крики о. Ивистіона, пробовали спускаться прямо, но тотчасъ-же падали, и послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ, обливаясь потомъ и задыхаясь отъ усталости, снова возвращались къ остальной компаніи, добросовѣстно шедшей отъ одной кучи камней, показывающихъ дорогу, къ другой. Къ великому нашему удовольствію, достигли мы, наконецъ, келліи Пресвятой Богородицы, гдѣ около часу отдыхали за чаемъ, приготовленнымъ намъ подъ тѣнью громаднаго каштановаго дерева монахомъ. Здѣсь были уже мулы, присланные изъ Пантелеймоновскаго монастыря. Возсѣвъ на нихъ, мы старою дорогою спустились до келліи св. Георгія, куда пріѣхали около 12 часовъ. О. Георгій встрѣтилъ насъ около келліи, съ участіемъ освѣдомляясь о восхожденіи и приглашая насъ подкрѣпиться.

Послѣ обѣда мы отдыхали до 4-хъ часовъ. Послѣ этого мы осмотрѣли келлію св. Георгія. Нужно замѣтить, что съ понятіемъ Аѳонской келліи нужно соединять иное понятіе, чѣмъ какое мы обыкновенно имѣемъ. Съ словомъ „келлія“ мы обыкновенно соединяемъ понятіе объ одной комнатѣ, въ которой спасается какойнибудь отшельникъ. Аѳонскую же келлію нужно понимать нѣсколько иначе. Подобнаго рода келліи здѣсь называются „кавъя“. Келлія-же—это цѣлый домъ съ церковью, одною или даже двумя, со всѣми хозяйственными принадлежностями. Она вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько братій. Келліи приобрѣтаются покупкою у монастырей и цѣнятся, смотря по жизненнымъ удобствамъ. Келліоты платятъ небольшую дань монастырю, отъ котораго зависятъ. Келліи переходятъ по завѣщанію большею частію къ ученикамъ старцевъ. Келліоты живутъ трудами рукъ своихъ: воздѣлываютъ виноградники, продаютъ орѣхи, маслины, смоквы, лимоны, апельсины. Келліи безъ храмовъ называются „каливами“. Келлія св. Георгія находится на землѣ Лавры св. Аѳанасія. Она начинаетъ благоустроиться и несомнѣнно, благодаря заботамъ о. Георгія, достигнетъ скоро процвѣтанія. Въ ней одинъ небольшой храмъ, а теперь строится другой, большой. О. Георгій рассказывалъ, сколько хлопотъ и денегъ стоило ему получить разрѣшеніе отъ грековъ, на землѣ которыхъ находится эта келлія, на построеніе новаго храма. Храмъ предполагается устроить обширный и дорогой. Работаютъ сейчасъ надъ отдѣлкою мрамора инокъ вмѣстѣ съ нѣсколькими нанятыми рабочими. Келлія св. Георгія для всѣхъ, поднимающихся на вершину св. горы, необходимо, а при теперешнемъ радушномъ и гостепріимномъ ея настоятелѣ, и очень пріятное перепутье, а потому нельзя не пожелать ей процвѣтанія.

Напившись чаю, мы радушно распростились съ гостепріимнымъ и любезнымъ о. Георгіемъ и, пожелавъ процвѣтанія его келліи, снова тронулись въ путь. Переѣздъ намъ предстоялъ долгій и трудный. Мы должны были перебраться на другую сторону горы, гдѣ въ Молдаванскомъ скиту предполагали ночевать. Дорога шла все время по косоугору среди роскошнаго вѣковаго лѣса. Налѣво—вершина Аѳона, съ которой мы только что спустились, направо—море. Проѣзжали мимо какихъ то развалинъ. О. Ивистіонъ говорить, что это—остатки древнихъ

дохристіанскихъ городовъ, бывшихъ на Аѳонѣ. По пути съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, присоединившимся къ намъ въ келліи св. Георгія, случился инцидентъ, едва не стоившій ему жизни. Его мулъ, испугавшись распускаемаго зонтика, шарахнулся въ сторону и сбросилъ его на землю. Къ счастью, мы ѣхали въ это время не надъ пропастью, а по горной равнинѣ, и упавшій отдѣлался только испугомъ. Наконецъ, часовъ около 8 вечера, когда мы уже довольно сильно устали, изъ густой зелени выглянули Молдавскій скитъ; но въ виду поздняго времени, мы рѣшили проѣхать его мимо и прямо отправились къ Лаврѣ св. Аѳанасія, отстоящей отъ скита на разстояніи $\frac{3}{4}$ часа ѣзды.

Скоро за Молдавскимъ скитомъ показалась и Лавра св. Аѳанасія, напоминающая своими бойницами и крѣпостями средневѣковый замокъ. Она занимаетъ громадную площадь и вся утопаетъ въ зелени померанцевыхъ, орѣховыхъ, каштановыхъ, масличныхъ, кипарисовыхъ и другихъ деревьевъ. Лавра св. Аѳанасія въ порядкѣ Аѳонскихъ монастырей занимаетъ 1-ое мѣсто (2-е Ватопедъ, 3-е Иверъ). Это одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ монастырей Аѳона. Здѣсь впервые на Аѳонѣ, основателемъ ея св. Аѳанасіемъ, въ 10-мъ вѣкѣ, былъ введенъ киновійный образъ жизни. До святаго Аѳанасія на Аѳонѣ была извѣстна только пустынная жизнь, и введенные имъ строгіе общежительные уставы, по образцу знаменитой Палестинской обители Саввы Освященнаго, оказали громадное вліяніе на всѣ святогорскіе монастыри. Впрочемъ, сама Лавра въ настоящее время, какъ и большинство богатыхъ греческихъ монастырей, измѣнила завѣтамъ св. Аѳанасія и не имѣетъ у себя общежитія. Процвѣтала Лавра главнымъ образомъ въ прежнее время. Уже при своемъ основателѣ она имѣла, по преданію, 80 человѣкъ монаховъ, въ половинѣ одиннадцатаго вѣка—700; а было время, когда число ея иноковъ доходило до 5000 человѣкъ; въ настоящее же время въ монастырѣ всей братіи не болѣе ста человѣкъ.

Подѣхавъ къ громаднымъ каменнымъ стѣнамъ монастыря, мы спѣшили, такъ какъ, по уставу св. горы, не полагается не только вѣзжать, но даже проѣзжать мимо монастыря верхомъ. Съ первыхъ-же шаговъ по монастырскому двору было видно, что мы не въ киновіи, а въ монастырѣ штатномъ.

Монахи, встрѣчавшіеся намъ на пути, не обращали никакого вниманія на наши привѣтствія; не скоро мы нашли для себя и пріютъ. Послѣ долгихъ разспросовъ о нашемъ званіи и справокъ у игумена, намъ, наконецъ, отвели большой залъ, съ уставленными по стѣнамъ его низкими турецкими диванами и чуднымъ видомъ, открывавшимся изъ оконъ на море, которое слегка волновалось и казалось надвигающимся на монастырь.

Переодѣвшись и умывшись, мы представились завѣдущему монастыремъ старцу о. Александру. Онъ—не игумень и не проигумень (т. е. бывший игумень). Управление въ штатныхъ монастыряхъ своеобразное. Въ то время какъ киновію управляетъ одинъ игумень, избираемый пожизненно, т. е. управление тамъ монархическое, въ штатныхъ монастыряхъ—коллегіальное. Монастыремъ здѣсь управляютъ два эпитропа и дикей, избираемые ежегодно изъ почетныхъ лицъ братствомъ обители. Всѣ же заслуженныя и уважаемыя лица монастыря называются проѣстосами или предстоятелями; изъ нихъ выбираются ежегодно епитропы, дикей для завѣдыванія монастыремъ и антипросопы и эпистаты для представительства монастыря въ главномъ управленіи св. горы, въ кинотѣ, засѣдающемъ въ Карей—монашескомъ авонскомъ городкѣ. Наиболѣе уважаемыя изъ проѣстосовъ приобрѣтаютъ иногда большое вліяніе на дѣла монастыря и фактически становятся во главѣ его, хотя не занимаютъ никакихъ должностей, даже не имѣютъ никакого церковнаго сана. Такимъ именно лицомъ и является о. Александръ—почтенный старецъ Лавры св. Аванасія. Онъ—простой монахъ, не іерей, но къ нему приходятъ иноки за благословеніемъ, безъ его вѣдѣнія нельзя сдѣлать въ монастырѣ никакого дѣла. У него, между прочимъ, спрашивалъ разрѣшенія и завѣдующій гостиную принять насъ.

О. Александръ принялъ насъ очень любезно и угостилъ глицо. Переводчикомъ былъ о. Ивистіонъ, черезъ котораго о. Анастасій поблагодарилъ о. Александра за радушный приемъ и испросилъ разрѣшенія осмотрѣть Лавру и, главнымъ образомъ, знаменитую лаврскую бібліотеку завтрашнимъ утромъ, такъ какъ намъ необходимо рано уѣхать изъ Лавры, чтобы успѣть посѣтить Иверъ и пріѣхать къ вечеру въ Андреевскій скитъ, отстоящій отъ Лавры на разстояніи 7 часовъ, гдѣ мы предполагали ночевать и должны были встрѣтиться

съ Преосвященнымъ. О. Александръ сильно жалѣлъ, что у насъ такъ мало времени для знакомства съ Лаврою, обѣщала дать намъ утромъ проводника изъ Лавры и на прощаніе благословилъ писанными на полотнѣ образáми.

Когда мы вернулись въ гостиную, то нашли здѣсь одинъ номеръ „Византійскаго Временника“, присланный намъ о. Александромъ и заложенный на библиографическомъ отдѣлѣ, гдѣ подчеркнуть отзывъ объ ученыхъ трудахъ инока Лавры св. Аѳанасія, о. Александра.

Пожинавъ, мы улеглись спать въ томъ же залѣ на длинныхъ диванахъ. не совсѣмъ удобныхъ, и притомъ довольно „населенныхъ“...

Въ этотъ же день Преосвященный со своими спутниками, прибывшій наканунѣ въ Зографскій-болгарскій монастырь и нашедшій здѣсь самый радушный приемъ, слушалъ божественную литургію, послѣ которой осмотрѣли монастырь, начиная съ собора. Соборъ построенъ по образцу соборовъ въ другихъ монастыряхъ, и очень большой и свѣтлый. Въ алтарѣ надъ престоломъ висится замѣчательный деревянный балдахинъ, кажется кипарисовый, весь испещренный причудливою рѣзью. Обиліе рѣзвы въ этомъ монастырѣ придаетъ красу этому храму и отличаетъ его отъ другихъ храмовъ. Въ этомъ соборѣ есть три иконы великомученика Георгія, почитаемыхъ чудотворными. Одна изъ нихъ, по преданію, написалась сама собою, вслѣдствіе чего и монастырь называется Зографомъ (въ русскомъ переводѣ: „живописецъ“) ¹⁾. Затѣмъ осмотрѣли все хозяйство монастыря: образцовыя конюшни для муловъ, цистерны, мельницы, прачешную, кузнечную, красильню, огороды.

Послѣ обѣда, простившись съ гостепримными иноками Зографской обители, Преосвященный со своими спутниками отправился на мулахъ въ Ватопедъ, лежащій у самого моря, на противоположной Зографу сѣверо-восточной сторонѣ полуострова. Ватопедъ—одинъ изъ древнѣйшихъ, а въ настоящее время и богатѣйшій изъ греческихъ монастырей. Онъ—штатный, а не киновіальный. Дорога къ нему отъ Зографа идетъ

¹⁾ Объ этихъ иконахъ и достопримѣчательностяхъ монастыря см. въ книгѣ „Вышній Покровъ“, во многихъ другихъ сочиненіяхъ и въ „Дневникѣ студента—паломника на Аѳонъ“ А. Стадицкаго.

сначала лѣсами, а затѣмъ, послѣ очень крутого и тяжелаго подъема, слѣдуетъ не менѣе крутой и тяжелой спускъ. Не доѣзжая монастыря, виднѣются развалины огромнаго зданія и водопровода. Эти развалины — остатки бывшаго Ватопедскаго училища, основаннаго богатыми греками для умственнаго возбужденія своихъ соотчичей и противодѣйствія всепожирющему магометанству и сохраненія православія отъ „наскакивающаго“ католичества. Это училище ввѣрено было замѣчательному въ Россіи и Греціи человѣку Евгенію Булгари. Знаменитый мужъ думалъ сдѣлать это училище центральнымъ богословскимъ училищемъ, высшею греческою академію. И что-же? Къ сожалѣнію, это училище просуществовало всего только 5-ть лѣтъ, съ 1753 по 1758. Причиной этого были невѣжественные монахи, обвинившіе Евгенія и его школу въ неисполненіи церковныхъ постановленій. Такъ погибло святое дѣло! Теперь отъ всего зданія остались полуразваливающіяся стѣны и догнивающіе брусья. Все заросло колючимъ кустарникомъ, заглохло и одичало ¹⁾).

Ватопедь расположенъ на склонѣ сѣверо-восточномъ св. горы, съ трехъ сторонъ окруженъ горами, а съ одной — простирается безбрежная равнина морская. По внѣшнему виду онъ имѣетъ сходство со многими греческими монастырями, хотя объемомъ превосходить ихъ. Впереди монастыря — величественный подъѣздъ въ видѣ возвышенной площадки съ нѣсколькими рядами ступенекъ. Самый монастырь поражаетъ громадностью построекъ. Основателемъ его считаютъ Константина Великаго. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ разрушенъ Юліаномъ Отступникомъ, а въ концѣ того-же столѣтія (4-го) былъ восстановленъ греческимъ Императоромъ Θεодосіемъ, въ признательность Богу за спасеніе отъ потопленія царственнаго сына его Аркадія. Объ этомъ существуетъ слѣдующее преданіе. Аркадій возвращался изъ Рима въ Константинополь; на морѣ въ это время поднялась страшная буря, и онъ упалъ за бортъ. Спутники его были въ отчаяніи, боясь царскаго гнѣва, и обратились за помощью къ Богородицѣ. Молитва ихъ была услышана и царевичъ найденъ спящимъ подъ тѣнью колючихъ кустарниковъ. Отъ этого и монастырь называется, по гречески, *Βατοπαίδιον*, что

¹⁾ Дневникъ студента паломника на Аѳонъ, 126 стр.

значить: купино-дѣтіе. Въ доказательство справедливости этого преданія, иноки Ватопедскаго монастыря указываютъ на ихъ теперешній соборъ, сооруженный будто-бы Θεодосіемъ, и его четыре порфирные столба, поддерживающіе арки, присланные будто-бы сестрою спасеннаго царевича Аркадія—Плакидою. Но по мнѣнію знатоковъ архитектуры, соборъ Ватопедскаго монастыря воздвигнуть не ранѣе X вѣка, послѣ того, какъ храмъ Θεодосія былъ разрушенъ арабами въ 862 году, и впослѣдствіи не разъ перестраивался. На основаніи этого и другихъ соображеній, научная критика справедливо заподозриваетъ историческую достовѣрность Ватопедскаго преданія (см. *Исторія Аѳона*, пр. Порфирія Успенскаго).

По случаю послѣобѣденнаго времени, иноки Ватопедскаго монастыря отдыхали, по аѳонскому обычаю. Но какъ только разнеслась вѣсть по монастырю, что прибылъ Преосвященный, сейчасъ раздался трезвонъ и иноки во главѣ съ епитропами обители поспѣшили на встрѣчу Преосвященному. Послѣ обычной литіи съ многолѣтіемъ, Преосвященный вмѣстѣ съ сопутствовавшими ему осматривалъ самый храмъ и достопримѣчательности монастыря.

Соборный храмъ монастыря, величественный по виду, посвященъ въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. На горнемъ мѣстѣ въ соборѣ икона Божіей Матери, называемая *Ктиторскою*. Икону почти невозможно разсмотрѣть,—такъ темна на ней живопись. По мнѣнію знатоковъ византійской иконописи, эта икона—одна изъ самыхъ лучшихъ на Аѳонѣ. Крестъ запрестольный называется „Константиновымъ“. Онъ—8-ми конечный и состоитъ изъ одного прямого дерева и трехъ поперечныхъ—одного большаго и двухъ меньшихъ вверху и внизу, изъ которыхъ послѣднее—косое. Въ алтарѣ-же двѣ небольшія на доскахъ четырехугольныя иконы (складни) Спасителя и Богоматери, называемыя куклами или игрушками царицы Θεодоры, которая, какъ извѣстно, была тайною иконопочитательницею и скрытно поклонялась этимъ иконамъ, выдавая ихъ за игрушки, въ то время когда мужъ ея императоръ Теофилъ хотѣлъ уничтожить иконопочитаніе.

Въ соборѣ—два притвора, изъ которыхъ одинъ называется вѣншиимъ, а другой внутреннимъ. Во вѣншиемъ при-

творѣ обращаетъ на себя вниманіе прекрасная живопись, которая лучше живописи самого собора. По преданію, она—произведеніе кисти Панселина. Здѣсь въ притворѣ обращаютъ на себя вниманіе мозаическія изображенія, единственныя на св. горѣ. Надъ входными дверями въ полукругѣ изображенъ мозаически Христосъ съ молящимися по сторонамъ Его Богоматерью и Предтечею. По сторонамъ дверей есть также два мозаическія изображенія, составляющія вмѣстѣ образъ Благовѣщенія: съ одной стороны Богоматерь, а съ другой архангелъ Гавріиль. Внутренній притворъ совершенно темень; живопись, какъ видно, новая, замѣнившая мозаическія изображенія, которыя видѣлъ еще Барскій; на внѣшней сторонѣ одного изъ соборныхъ придѣловъ въ честь Св. Димитрія Солунскаго находятся два поясныя изображенія Божіей Матери, признаваемыя чудотворными. Одна изъ нихъ называется „Закланная“, другая — „Предвозвѣстительница“. ¹⁾

Въ соборѣ много мощей: глава св. Григорія Богослова, Андрея Критскаго, нога св. Апостола Вареоломея, кость отъ плеча св. архидіакона Стефана, и много другихъ. Величайшею же святынею Ватопедскаго монастыря является поясъ Божіей Матери, „ниже есть, по словамъ Барскаго, долгій, яко на двѣ пяди, широкій же, аки долгота перста, видомъ чернъ, густо плетенъ, якоже Іерусалимскіи пояски“.

Осмотрѣвъ храмъ Ватопедскаго монастыря и приложившись къ его святынямъ, Преосвященный со своими спутниками посѣтилъ богатѣйшую бібліотеку монастыря, гдѣ разсматривали древнія рукописи, и затѣмъ прошли по монастырской стѣнѣ, любовались общимъ видомъ монастыря и смотрѣли нѣкоторыя хозяйственныя постройки.

Отдохнувъ и подкрѣпившись, паломники послѣ полудня простились съ радушною братіею монастыря и на лодкѣ отправились, параллельно берегу Аѳона, къ греческому монастырю Пантократору, гдѣ дожидались ихъ мулы изъ Ильинскаго скита, въ которомъ они предполагали ночевать. Двухчасовая прогулка по волнующемуся морю на двухъ лодкахъ, подвигаемыхъ 10-ю гребцами каждая, разнообразіе причудливыхъ очертаній дикихъ и скалистыхъ бе-

¹⁾ Ibidem.

реговъ, морская даль съ неясными очертаніями Македонскихъ горъ и многихъ острововъ, чистое, свѣтло-голубое небо съ ярко свѣтящимъ солнцемъ, палящіе лучи котораго умѣрялись влагою морскою,—все это оставило неизгладимое впечатленіе въ сердцахъ путниковъ....

Вотъ изъ-за утеса показался Пантократоръ. Монастырь Пантократоръ (т. е., посвященный во имя Господа Вседержителя), основанный въ 13 вѣкѣ военачальникомъ Алексѣемъ, изъ фамиліи Комненовъ, освободившимъ Константинополь отъ власти латинянъ, живописно расположенъ на высококомъ (22 сажени надъ поверхностью воды) утесѣ, обмываемомъ съ двухъ сторонъ водами Архипелага. Еще Барскій, посѣтившій этотъ монастырь въ 1725 году, говорилъ про него, что „чудеснаго тамо не видѣхъ ничтоже“. Къ сожалѣнію, внѣшній видъ монастыря, его полуразрушающіяся стѣны, совершенно не гармонируютъ съ такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ его. Преосвященный не останавливался въ этомъ монастырѣ, такъ какъ бывшіе на пристани монахи сказали, что антипросопъ ихъ боленъ, да и сами они, какъ видно было, не особенно рады были гостямъ. Поэтому, освѣжившись въ чудныхъ водахъ Архипелага и простившись съ сопровождавшими иноками Ватопедскаго монастыря, они отправились на мулахъ въ Ильинскій скитъ, куда и прибыли къ великой радости иноковъ черезъ $\frac{3}{4}$ часа, при закатѣ солнца.

Еще задолго до прибытія Преосвященнаго, раздавался по ущеліямъ горъ колокольный звонъ, возвѣщавшій о радостномъ ожиданіи братіи лицезрѣть русскаго Архипастыря. Преосвященнаго встрѣтилъ у вратъ монастырскихъ о. настоятель Гавріилъ съ братією въ священномъ облаченіи, съ иконами и хоругвями. Монастырскіе врата украшены были цвѣтами, дорога въ церковь усыпана лавровыми листьями. Съ крестнымъ ходомъ, при пѣніи тропаря прор. Или, Преосвященный направился въ храмъ, гдѣ послѣ обычной литіи обратился къ инокамъ съ рѣчью. Зная о тѣхъ затрудненіяхъ и скорбяхъ, которыя пришлось испытать скиту въ послѣднее время отъ греческаго монастыря Пантократора, въ зависимости отъ котораго онъ находится, Преосвященный раскрылъ въ своей рѣчи мысль о многоразличныхъ путяхъ, которыми Господь устрояетъ спасеніе людей, остановившись преимущественно на спасительномъ пути

скорбей и преданности волѣ Божіей. Затѣмъ, приложившись къ мѣстнымъ святынямъ, вмѣстѣ со своими спутниками отправился по приглашенію братіи въ архондарикъ, гдѣ настоятель скита о. Гавріилъ угостилъ глико, чаемъ и кофе. Отъ Гавріилъ—очень добродушный и простой старецъ. Онъ малороссъ; ему сейчасъ 51 годъ, въ монастырѣ онъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Послѣ трапезы еще долго наслаждались тихимъ вечеромъ и прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ скита, бесѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ съ добрѣйшимъ о. Гавріиломъ, старшимъ изъ братіи о. Хрисанеомъ, которые и знакомили насъ съ прежнею исторіею скита и недавними скорбными испытаніями, которыя пришлось ему перенести. Ильинскій скитъ красиво раскинулся на уединенномъ холмѣ среди роскошной зелени. Вокругъ него кольцомъ обвились чудные огороды и виноградники; они расположены террасами съ водоемомъ по срединѣ и придаютъ скиту уютный, жизнерадостный видъ. Съ сѣверной, западной и южной сторонъ скитъ окруженъ высокими вѣчно-зеленѣющими горами, а съ восточной стороны открывается живописный видъ на море. У самаго берега красуется — Пантократоръ. Вдали виднѣются острова: Имбро, Самоѳраки, къ югу — обширный Лемносъ, къ сѣверу Тассо. На сѣверо-западъ тянется сплошная заоблачная цѣпь горъ Македоніи, а на западъ отъ Ильинскаго скита, среди горъ бѣлѣется болгарскій скитъ Ксилургу—первое мѣсто обитанія русскихъ на Аѳонѣ въ X-мъ вѣкѣ. Ильинскій скитъ населенъ по преимуществу малороссами и основанъ малороссомъ, знаменитымъ іеромонахомъ Паисіемъ Величковскимъ, въ 1757 году. По уходѣ Паисія въ Молдавію, Ильинскій скитъ перенесъ не мало невзгодъ: въ 1820 году онъ былъ разграбленъ турками, а въ 1837 году пострадалъ отъ чумы, занесенной въ него однимъ изъ поклонниковъ. Но теперь, благодаря большому такту о. Гавріила и умѣнію его ладить съ епитропами Пантократора, обитель начинаетъ оживать. Благоустройству его въ прежнее время много способствовалъ о. Аникита, бывшій князь Ширинскій-Шихматовъ, кости котораго покоятся въ скиту, и настоятель скита о. Паисій II-й, управлявшій имъ 30-ть лѣтъ (1841—1871). Въ настоящее время братіи въ немъ болѣе 200 человекъ, преимущественно малороссы.

(Продолженіе слѣдуетъ).